

**ОБРАЗ ЭДИПА В МИФОЛОГИИ И ДРАМАТУРГИИ
(ПОПЫТКА СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА)**

научный руководитель: д.и.н., профессор, Российский государственный институт сценических искусств, филиал в г. Кемерово, Ковалевский С. А.,

В статье рассматривается образ мифологического царя Эдипа, история которого послужила фабулой для написания древнегреческим драматургом Софоклом трагедий «Эдип-царь» и «Эдип в Колоне». Сопоставляется материал знаменитого древнегреческого мифа и трагедии Софокла «Эдип-царь». Главный герой, его судьба и происходящие события анализируются через призму философских исследований А.Ф. Лосева.

Ключевые слова: А.Ф. Лосев, Аристотель, миф, трагедия, Царь Эдип, перипетия, Эдип.

Древнегреческая мифология служила источником вдохновения для античных драматургов и комедиографов (Еврипид, Софокл, Аристофан, Эсхил). Мифы же зачастую использовались как основа для выстраивания сюжетной линии, выступая в роли фабулы античных трагедий. Соответственно хорошо известные грекам мифы и их герои были знакомы и понятны. Задача же драматурга заключалась в раскрытии образа мифологического героя в современных условиях, показа его взаимодействия с окружающим миром и людьми.

Поэтому в рамках драматургического материала отдельно взятый миф рассказывает в большей степени предысторию персонажа. Драма же актуализирует мифологические события, делает их созвучными и понятными современникам. Большое внимание здесь уделяется и анализу явных и скрытых причин поведения главного героя. Таким образом, в пьесе мы уже можем наблюдать полноценное взаимодействие героя с окружающим миром, его влияние на него.

И в этой связи представляет интерес попытка сравнить интерпретацию мифа и литературного произведения, написанного на его основе. Так Алексей Федорович Лосев в своей книге «Диалектика мифа» [Лосев, 1990] в главе «Миф не есть поэтическое произведение» [Лосев, 1990, С. 50-63]

пишет об отрешенности, которая присутствует, и в мифологии, и в поэтике. Что имеется в виду?

Отрешенность, по Лосеву это фантастика, созидание предмета через его выражение в художественной форме. В большой степени этому служит поэтика и искусство, а в основе мифа может находиться реальное событие. Вследствие этого возникает следующий вопрос. Если поэтическое искусство отрешенно изначально, а миф по Лосеву «совмещает в себе черты как поэтической, так и реально-вещественной действительности», то в момент создания трагедии исчезает ли реализм мифа?

Для того чтобы ответить на этот вопрос обратимся к мифу об Эдипе и к его интерпретации в виде двух трагедий Софокла «Царь Эдип» и «Эдип в Колоне». Сразу же попробуем разобраться, почему миф является источником для трагедии?

«Важно только то, что искусству и поэзии свойственна некая отрешенность, выхватывающая вещи из потока жизненных явлений и превращающая их в предметы какого-то особенного, отнюдь не просто насущно-жизненного и житейского интереса» [Лосев, 1990, С. 53].

Эту цитату приводит А.Ф. Лосев, когда в своей книге «Диалектика мифа» сравнивая миф с поэтическим искусством. Но также миф имеет свойство фантастики, из которой возможно создать художественное произведение: *«Уже первоначальное всматривание в природу мифической отрешенности обнаруживает с самого начала, что никакая отрешенность, никакая фантастика, никакое расхождение с обычной и повседневной “действительностью” не мешает мифу быть живой и совершенно буквальной реальностью»* [Лосев, 1990, С. 53].

Античные греки, являясь политеистами, верили в существование многих богов, а в мифах боги и люди взаимодействуют так же, как в реальной жизни. Поэтому А.Ф. Лосев и пишет о правдоподобности мифологии для современников Софокла. И вместе с тем, исследователь не исключает того факта, что поэтическое искусство и миф – оба будут отрешены. И в

том, и в другом есть фантастичность, определенный мир, который живет по своим правилам.

Если взять миф об Эдипе, то в нем присутствует сказочное существо Сфинкс с лапами, большими крыльями и человеческим лицом. История сразу как бы становится не реальной, но все события и темы, которые далее описываются в мифе, имеют более реалистичный характер. Про мифическую отрешенность в реальных вещах говорит А.Ф. Лосев: *«Это значит, что тип мифической отрешенности совершенно иной, чем тип поэтической отрешенности. Поэтическая отрешенность есть отрешенность факта или, точнее говоря, отрешенность от факта. Мифическая же отрешенность есть отрешенность от смысла, от идеи повседневной и обыденной жизни»* [Лосев, 1990, С. 53].

Исходя из этой цитаты мы понимаем, что и в мифе, и в поэтическом произведении отрешенность есть всегда. Только у поэта фантастика может присутствовать от начала и до конца, а в мифе должны быть темы, существующие в настоящей жизни. Убийство отца, принятия престола путем геройства, мор, отказ от ребенка, инцест, изгнание, смерть из-за собственного страха – все эти темы вполне реалистичны. Именно из-за этих тем Софокл и пишет трагедию «Царь Эдип», в которой акцентирует внимание на таких глобальных мировоззренческих понятиях как «рок» и «судьба».

Но в мифе так же есть тема смерти, которую Эдип пытается решить путем использования формальной логики. Из-за того, что Эдип хочет закрыть все пути, которые, по его мнению, могут привести к смерти, он и обрекает себя на нее. Рассмотрим решение Эдипа в одной эпизодии трагедии Софокла, наиболее полно (в сравнении с мифом) показывающим чувства главного героя:

*«Они судили мне отца убийство -
И вот он умер, схоронен в земле,
А я, беглец, к мечу не прикоснулся!
Уж не тоска ль по мне его убила,
И в этом смысле "от меня он пал"?...*

*Но нет: все божеские прорицанья
С собой похитил в глубь земли Полиб,
Всю их тщету изобличив пред миром!*

Иокаста

Не я ль давно тебе о ней твердила?

Эдип

Твердила, да; но страх меня стегал.

Иокаста

Теперь навек ты от него свободен.

Эдип

А все ж я ложа матери боюсь» [Софокл, 2024].

В этом диалоге и заключен мир трагедии, который соотнесен с одной из главных тем. Эдип уже знает о своем пророчестве, и, естественно, он не хочет умереть от него. В его понимании дабы избежать гибели, нужно как можно быстрее узнать всю правду о собственной матери. Кто она он тогда ещё не знает. Он полностью уверен, что Иокаста его жена, но понимание того, что он может ей изменить с матерью, не отпускает. С этого момента Эдип погружается в глубокие раздумья о своем будущем.

Также А. Ф. Лосев говорит о синтезе «внешнего» и «внутреннего», что соответствует Аристотелевскому понятию «перипетия». Если синтез «внешнего» и «внутреннего» это «сила, заставляющая “внутреннее” проявляться, а “внешнее” – тянуть в глубину “внутреннего”» [Лосев, 1990, С. 50]. То перипетия по Аристотелю, это «*перемена [судьбы] происходит без перелома и узнавания; а в сплетенном перемена происходит с узнаванием, с переломом или и с тем, и с другим. <...> Перелом (peripeteia), как сказано, есть перемена делаемого в свою противоположность, и при этом, как мы только что сказали, [перемена] вероятная или необходимая*» [Аристотель, 1983, С. 656-657].

В мифе об Эдипе синтез «внешнего» и «внутреннего» проявляет себя, когда Иокаста рассказывает о смерти Лаия Эдипу: «*все рассказывает ему Иокаста. Первые сомнения закрадываются в душу Эдипа. Тяжкое предчувствие чего-то ужасного сжимает ему сердце*» [Кун, 1922, С. 254].

Эдип уже знает, что он проклят, и вот это проклятие можно понимать как «внутреннее», потому что знание о нем, Эдип получает еще в разговоре с Оракулом. «Внешнее» тогда заключается в том, что ему рассказала Иокаста, потому что именно после этого разговора, Эдип начинает добиваться правды о своей матери. Это значит, что «внутреннее» постепенно, в процессе «расследования» Эдипа выходит наружу.

Исходя из понимания А.Ф. Лосевым «внешнего» и «внутреннего» можно сказать, что внутренний уровень трагедии заключается в пророчестве, которое должно настичь Эдипа. Даже когда произошедшее с его отцом уже полностью стало понятно Эдипу, пьеса не заканчивается, а только набирает обороты. На смену осознанному «внешнему», приходит «внутреннее», которое только усиливает трагедию Софокла.

В трагедии Софокла перипетия возникает, когда сплетается «внешнее» и «внутреннее», в тот момент, когда Эдип пытается узнать правду о том, кем он был принесен в дом Лаия. Перипетия в трагедии Софокла возникает, когда практически из ниоткуда возникает Вестник:

«Вестник

Да нет же; взял у пастуха другого.

Эдип

Откуда был он? Отвечай, коль знаешь!

Вестник

Ему был, мнится, Лаий господином.

Эдип

Покойный царь фиванского народа?

Вестник

Он самый; был его он пастухом.

<...>

Корифей

Я полагаю, это - тот пастух

Окраинный, которого и раньше

Хотел ты видеть. Впрочем, лучше всех

О нем царица Иокаста знает.

Эдип

Жена, скажи: не тот ли это самый,

Кому велели мы прийти сюда?

Иокаста

*Как? Что? Кого назвал он? Не заботься,
Забудь скорее все его слова!*

Эдип

*Тому не быть, чтоб я, с такой уликой,
Раскрыть свое рождение упустил!*

Иокаста

*Коль жизнь тебе мила, оставь расспросы.
Молю богами, - я и так страдаю. / Эдип, молю, послушайся меня!
/ Но я забочусь о твоём же благе!*

Эдип

Вот это благо уж давно мне в тягость!

Иокаста

*О, век бы не узнать тебе, кто ты! / О горе, горе! О злосчаст-
ный – это*

Тебе последний мой привет; прости!» [Софокл, 2024].

Если бы Вестник не рассказал, что Эдип не их родной сын и, главное, не сказал про пастуха, то Эдип и не узнал бы правду. Теперь он хочет полностью удостовериться в том, где его мать, чтобы точно знать кто она на самом деле. Поэтому перипетия трагедии заключается в том, что Вестник напоминает Эдипу о Пастухе, который может рассказать ему правду. Таким образом, перипетия по С.И. Радцигу будет поворачивать мир трагедии совершенно в другую сторону. *«Перипетия, таким образом, приводит к полному выяснению всех обстоятельств и затем к катастрофе» [Радциг, 2024].*

Неоднозначно трактуется в мифе и трагедии образ Иокасты. Согласно мифу, мы знаем, что Иокаста это мать Эдипа. Сама же она узнает об этом только из уст Пастуха. Так согласно мифу *«из Коринфа приходит вестник. Он приносит весть о смерти царя Полиба, скончавшегося от болезни. Значит, не рукой сына сражен Полиб. Если Эдип сын Полиба, значит – не исполнилось веление судьбы» [Кун, 1922, С. 254].*

Если же проанализировать строки из трагедии Софокла, (см. выше) то становится понятно, что Иокаста Софокла уже знает кто такой Эдип на

самом деле. Еще, во втором эпизодии, когда Иокаста говорит о пророчестве в отношении Лаия и Эдипа, она произносит: *«рукой раба в пустыне бросил гор»* [Софокл, 2024]. Это значит, что когда Лаий решает избавить себя от смерти, то он поручает своего сына рабу, который должен был отнести его в горы и там оставить. То есть Иокаста знает о том, кому передал муж их сына. И логика ей подсказывает о каком Пастухе Вестник говорит Эдипу.

Если теперь посмотреть на трагедию Софокла с точки зрения А.Ф. Лосева о синтезе «внутреннего» и «внешнего», то перипетия в пьесе это «внешнее». Исходя из теории, «внешнее» обязательно проявляет «внутреннее». То есть новость Вестника активизирует волю рока, и судьба Эдипа в финале трагедии движется к своей кульминации.

Таким образом, когда мы анализируем миф, необходимо понимать, что он, согласно А.Ф. Лосеву, будет выступать как отдельная единица, не соотносящаяся с художественным материалом. Трагедия Софокла, в свою очередь, это поэтическое произведение [Лосев, 1990, С. 50-63], поэтому, когда оно анализируется в соответствии со схемой А.Ф. Лосева, то там возникает и синтез, и перипетия (по Аристотелю). Только перипетия в этом случае выполняет роль «внешнего» события (в лице Вестника), а финал предстает уже как итог события «внутреннего». Следовательно, когда мы сравниваем мифологию и поэтическое произведение, то это возможно только при наличии первоисточника в лице мифа. Без этой связи оба элемента будут всегда отрешены.

Библиографический список

1. Аристотель. Собрание сочинений в 4-х томах. Том 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
2. Кун Н.А. Легенды и Мифы древний Греции. М.: Public Domain. 1922. 266 с.
3. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Правда, 1990. 429 с.
4. Радциг С.И. Глава XI Софокл. Вопрос о судьбе и личности Софокла // С.И. Радциг. История древнегреческой литературы. [сайт] URL: <http://antique-lit.niv.ru/antique-lit/radcig-istoriya-drevnegrecheskoj-literatury/xi-sofokl.htm> (дата обращения: 25.04.2024).
5. Софокл. Царь Эдип // Lib.ru / классика. – URL: http://az.lib.ru/s/sofokl/text_0010.shtml (дата обращения: 05.03.2024).

**THE IMAGE OF OEDIPUS IN MYTHOLOGY AND DRAMA
(AN ATTEMPT AT COMPARATIVE ANALYSIS)**

Scientific supervisor, Doctor of Historical Sciences, Professor Russian State Institute of Performing Arts, Kemerovo branch : S. A. Kovalevsky

The article examines the image of the mythological king Oedipus, whose story served as the plot for the writing of the tragedies "Oedipus the King" and "Oedipus in Colon" by the ancient Greek playwright Sophocles. The material of the famous ancient Greek myth and Sophocles' tragedy "Oedipus the King" is compared. The main character, his fate and the events taking place are analyzed through the prism of philosophical research by A.F. Losev.

Keywords: A.F. Losev, Aristotle, myth, tragedy, Oedipus the King, peripeteia, Oedipus.

Сведения об авторах:

ЧЕБОТАРЁВ ВАЛЕНТИН ГЕОРГИЕВИЧ, – студент (гр. Т-22, театровед), филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный институт сценических искусств в Кемерово» – «Сибирская Высшая школа музыкального и театрального искусства», факультет сценических и экранных искусств, г. Кемерово, e-mail cebotarevvalentin@gmail.com

КОВАЛЕВСКИЙ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ – (научный руководитель) доктор исторических наук, профессор, Российский государственный институт сценических искусств, филиал в г. Кемерово, Кемерово, Россия, e-mail: koval71@mail.ru

Information about the authors

CHEBOTAREV VALENTIN GEORGIEVICH student (T-22 class, theater critic), branch of the Russian State Institute of Performing Arts in Kemerovo – Siberian Higher School of Music and Theater Arts, Faculty of Stage and Screen Arts, Kemerovo, Russia, e-mail cebotarevvalentin@gmail.com

KOVALEVSKY SERGEY ALEKSEEVICH – (Scientific supervisor) Doctor of Historical Sciences, Professor, Russian State Institute of Performing Arts, Kemerovo branch, Kemerovo, Russia, e-mail: koval71@mail.ru